Юрий Расторгуев: «Верить в профессию помогают дети»

10 вопросов самому себе

Расторгуев Юрий Александрович, директор Издательского дома «Калужские губернские ведомости», главный редактор газеты «Весть», председатель Калужской региональной организации Союза журналистов России.
Родился 1 ноября 1972 в Калуге. Окончил Калужский государственный педа-гогический институт им. К.Э. Циолковского (исторический факультет, специальность — учитель истории и социально-политических дисциплин).
С апреля 1994 года работает в редакции газеты «Весть» (ныне «Издательский дом "КГВ"»). Занимал должности выпускающего, заместителя ответственного секретаря, ответственного секретаря, заместителя главного редактора. В мае 2004 года избран журналистским коллективом редакции на должность главного редактора газеты «Весть». После реорганизации в 2019 году редакции «Вести» в ГБУ КО «Издательский дом "Калужские губернские ведомости"» назначен его директором.
Награждён почётным знаком Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом». Заслуженный работник средств массовой информации Калужской области. Награждён медалью «За особые заслуги перед Калужской областью» 3-й степени. Лауреат областной журналистской премии им. Ивана Фомина.
Член Союза журналистов России с 1996 года. В 2013 года избран председателем регионального отделения Союза журналистов России — РОО «Союз журналистов Калужской области».
Член АРС-пресс. Член Координационного совета региональных СМИ при Общественной палате РФ.
Женат. Две дочери.
На снимке: с первым номером газеты «Весть», вышедшим 5 января 1991 года

1. Журналистика — это...

— Это совершенно точно нечто большее, чем просто профессия. Это образ мыслей, форма восприятия, мироощущения.

Однажды, после какой-то поездки, по итогам которой я уже успел отписаться, один товарищ — не журналист — сказал мне: «Слушай, мы вроде вместе с тобой там были. Так я и на половину того, о чём ты в своих статьях написал, даже внимание не обратил».

У журналиста особенный взгляд на вещи, на события, на людей — более пытливый, что ли. Этот взгляд, это мироощущение и определяет наш образ жизни. Короче, журналистика — это образ жизни.

На «Бале прессы» в Калуге с Всеволодом Леонидовичем Богдановым

На археологических раскопках. Городище средневекового Любутска. Здесь в 1372 году произошло стояние войск князей Ольгерда Литовского и Дмитрия Московского

На рыбалке на реке Ахтубе

С семьёй

1995 г. Секретариат газеты «Весть» (Ю. Расторгуев — справа)

2. Почему вы пришли в журналистику?

— Сначала расскажу как. Апрель 1994 года, оканчиваю пятый курс истфака. Ни с того ни с сего вызывают в деканат. Декан говорит, мол, есть работа в областной газете, замом ответственного секретаря — пойди попробуй. Я в недоумении: почему меня, одного из пяти десятков выпускников, не самого прилежного и дисциплинированного? Я же сплю и вижу, как на родном факультете преподавать останусь, кандидатскую пишу по диктатуре Цезаря. Газет не читаю. И вообще, что это за

секретарь такой ответственный, которому заместитель полагается? Но разве декана ослушаешься... Пошёл. Взяли меня, правда, не замом ответсека, а выпускающим. Тогда газета только что с высокой печати на офсет перешла: верстальщики-боги за компьютерами, а я, который это чудо только в кино видел, у них типа начальник...
Как вспомню бессонные ночи со строкомером и с горой испорченных макетов на полу, так вздрогну. Уже заявление написал об уходе, да спасибо редактору Алексею Петровичу Золотину (царство ему небесное!) — не отпустил.
Год историк во мне боролся с газетчиком — в институте на полставки тоже подрабатывал. Газетчик поборол: освоился в секретариате, в гору пошёл, пописывать начал.
Как — рассказал, а вот — почему? Потому, наверное, что судьба, моё! В точку попали декан и редактор.

3. Кого из героев материалов вашего издания вы помните и почему?

— Не смогу выделить кого-то одного. Каждый интересен. Помню, когда ещё только начинал в газете, был материал про женщину, которая родилась без обеих рук и всё делала ногами — картошку чистила, шила...
Выделю её — и буду себя казнить: почему не сказал про Евгения Ануфриева, чудом выжившего в знаменитом Хлудневском бою, где в январе 42-го насмерть сражался отряд лыжников-чекистов...
И всё-таки двоих героев публикаций, встречи и общение с которыми считаю за честь, назову: Александр Андреевич Проханов и ныне покойный Лев Александрович Аннинский. Глыбы, гиганты! У Проханова брал большое интервью. Очень переживал, что не смогу передать всю глубину его мыслей и богатство речи. А оказалось, что материал дался совсем просто — стоило всего лишь расшифровать диктофонную запись: настолько чистый, правильный слог, прямо как у древнеримского оратора.А знакомством с Аннинским горжусь ещё и потому, что, проведя для столичных гостей экскурсию на городище летописного Серенска, неожиданно стал героем его эссе в журнале «Родина».

4. Вы считаете себя свободным от самоцензуры?

— Не просто не считаю, я вообще её адепт! Почему самоцензура это плохо? Почему плохо сначала думать, а потом говорить? Мы же, журналисты, в некоторой степени властители душ человеческих. Наше слово весомо, на него ориентируются люди. Неосторожно сказанное, оно может сильно навредить.
Помните, конечно же, теракт на Дубровке. Журналист в прямом эфире ведёт репортаж с места события: «Вот, видите, окно, через него бегут заложники». Минута — и уже не бегут: террористы тоже телевизор смотрят. Продюсер Цекало говорит: «Сейчас начнётся штурм». Журналисты быстрее в эфир: «Сейчас начнётся штурм!»
Всё, операция сорвана — Бараев, смотревший телевизор, к штурму готов. Сколько бы жизней могла тогда сохранить самоцензура...

5. Что или кто помогает не терять веру в себя и в профессию?

— Веру в то, что труд наш не напрасен, помогают сохранить читатели. Пишут письма, приходят в редакцию со своими бедами и проблемами. Значит — верят, что мы что-то можем. Пытаемся помогать в меру возможностей. Радуемся, когда статья поспособствовала решению вопроса. А если наши обращения в инстанции сняли проблему ещё до публикации — ну, и слава богу!
А ещё верить в профессию помогают дети. Занявшись вопросом привлечения молодых кадров, неожиданно для себя узнал, что в нашей области действуют около 150 школьных редакций и пресс-центров. Они сами по себе, мы — сами по себе — почти не пересекаемся.
Сейчас в региональном отделении Союза работаем над тем, чтобы этот пробел устранить. Ввели в областной творческий конкурс номинацию «Лучший юный журналист», открыли онлайн-школу сетевой журналистики. Ребята есть замечательные, с искрой Божьей, надо только помочь им воплотить свои таланты в жизнь, привести за руку в профессию. Ощущение того, что журналистика вовсе не доживает последние дни и не канет в Лету с нашим уходом, придаёт сил.

6. Если не журналистика, то... — или где вы ещё принесёте пользу?

— То история. Перед музой Клио я в большом долгу, понимаю, что слишком мало потрудился ей во славу.

7. Как вы отдыхаете?

— Предпочитаю отдых «в поле»: природа, палатка, костёр, звёздное небо, друзья-единомышленники. Много лет увлекался археологией, каждый год хоть на несколько дней выбираюсь в экспедицию. Правда, археология уже не та, что была лет 30 назад, — комфорта и коммерции стало в ней больше, романтики и изыскательской страсти меньше. Поэтому в последнее время переключился на рыбалку: родные просторы те же, походный быт тот же и, очень важно, азарт — там находки, здесь улов.
Ценю возможность на некоторое время отключить голову, ввергнуть себя в состояние, близкое к первобытному, слиться с природой, зачерпнуть сил из её живительного родника...

8. Какие хулиганские поступки вы совершали в детстве или юности?

— Хулиганил, что скрывать. Обычный советский школьник с рабочей окраины. Отпетой шпаной не был, но, при неплохой успеваемости, поведение — с «уд.» на «неуд.».
Да и в студенческие годы «зажигали пополной». Сейчас кому расскажешь — не верят. Да сам порой не верю, что это всё было со мной когда-то. Примеры приводить не буду — боюсь, бумага от стыда покраснеет.

9. Ваше самое яркое воспоминание?

— Не смогу выбрать самое. Радость общения с близкими людьми и боль их утраты. Вкус побед и горечь поражений. Любовь неразделённая и разделённая. Священный трепет, восторг от прикосновения к древнему, прекрасному и душевное опустошение. Всё это сильные эмоции, переживания, формировавшие личность. Как тут выбрать что-то одно?...

10. Ваши любимые: книга, фильм, песня, блюдо, напиток.

— Ну вот, опять надо выбирать. Как выбрать между «На Западном фронте без перемен» Ремарка и «Трудно быть богом» Стругацких, между «Апокалипсисом сегодня» Копполы и «Тихим Доном» Герасимова, между «Child in time» Дип Пёрпл и «Нам нужна одна победа» Окуджавы?
Ладно, попробую. Книги три: «Илиада» Гомера, Новый Завет и — вы, может, будете смеяться — «Властелин колец» Толкиена.
Фильм из недавних — «Брестская крепость». Смотрел его на закрытом показе 22 июня 2010 года в самой крепости. Ночь, открытая площадка между рекой Мухавец и Тереспольскими воротами... Пробрало до костей, до последней жилки... А потом лили из фляжек воду в каску бетонного бойца на мемориале «Жажда»...
Второй раз смотрел уже в кинотеатре с семьёй. Свет включился — у жены и старшей дочки лица, мокрые от слёз.
Песня — «Человек и кошка» Фёдора Чистякова. Может быть, как дань студенческим годам, прекрасной бесшабашной юности.
Блюдо? В принципе всеяден. Но готовить люблю и, по словам вкушавших, умею. Например, достиг определённых высот в приготовлении плова: даже уроженка Узбекистана однажды хвалила мой «пилав». И всё же вкуснее маминых голубцов ничего не ел.
Напиток? Не сочтите за браваду, но лучшим напитком считаю ключевую воду. Она вкусная!
И как ничто другое, утоляет жажду. Если из спиртного — стопка-другая водки.
Пару лет назад были в пресс-туре в Греции — там замечательно (аутентично, так сказать) заходило исполненное солнцем вино из запотевших кувшинов. Да в принципе большой разницы нет: главное, чтобы в меру и в компании людей, близких по духу.

&